

УДК 811.112.2: 811.161.2 – 115:316.46.058

HOMO CHARISMATICUS
В НЕМЕЦКОМ И УКРАИНСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ
(контрастивный аспект)
Н.В. Петлюченко (Одесса, Украина)

Н.В. Петлюченко. *Homo charismaticus* в немецком и украинском политическом дискурсах (контрастивный аспект). Статья посвящена дискурсивному исследованию феномена политической харизмы путем контрастивного анализа средств апеллятивности современных политических фигур Германии и Украины – Йошки Фишера, Герхарда Шредера, Ангелы Меркель, Виктора Ющенко, Виктора Януковича, Юлии Тимошенко. Выявлены контрастивные черты вербальной, просодической и кинетической апеллятивности публичных фигур в двух лингвокультурах, которые определяются как *homo charismaticus* и формируют в период кризиса отдельный харизматический субдискурс в рамках политического дискурса.

Ключевые слова: политическая харизма, *homo charismaticus*, политический дискурс, лингвокультура, контрастивный, вербальный, просодический, кинетический.

Н.В. Петлюченко. *Homo charismaticus* у німецькому та українському політичному дискурсах (контрастивний аспект). Стаття присвячена дискурсивному дослідженню явища політичної харизми шляхом контрастивного аналізу засобів апеллятивності сучасних політичних фігур Німеччини й України – Йошки Фішера, Герхарда Шредера, Ангели Меркель, Віктора Ющенка, Віктора Януковича і Юлії Тимошенко. Встановлено контрастивні риси вербальної, просодичної та кінетичної апеллятивності публічних фігур двох лінгвокультур, які визначаються як *homo charismaticus* і формують у кризовий період окремий харизматичний субдискурс у межах політичного дискурсу.

Ключові слова: політична харизма, *homo charismaticus*, політичний дискурс, лінгвокультура, контрастивний, вербальний, просодичний, кінетичний.

N.V. Petlyuchenko. *Homo Charismaticus* in German and Ukrainian Appellative Discourses (A Contrastive Perspective). This article focuses on a discourse research into the political charisma phenomenon by means of contrastive analysis of appellative instruments of contemporary German and Ukrainian political figures – Joschka Fischer, Gerhard Schroeder, Angela Merkel, Viktor Yushchenko, Viktor Yanukovich, and Yulia Timoshenko. It reveals contrastive features of verbal, prosodic and kinetic appellativity of

public figures representing two different language cultures. In the period of social crisis such political figures are defined as *homo charismaticus* forming a charismatic sub-discourse within the framework of political discourse.

Key words: political charisma, *homo charismaticus*, political discourse, language culture, contrastive, verbal, prosodic, kinetic.

„...das Außergewöhnliche, das den politischen
Führer über die Normalität erhebt.“

Frank Möller

1. Введение. Явление харизмы издавна было областью интересов гуманитарных исследований, а именно богословия, философии, социологии, психологии и др. Так, богословы указывали на божественные, благодатные (духовные и моральные) свойства харизмы [Катанский 1902; Sohm 1907; Daujat 1959; Andenna 2005; Biernath 2005]; философы акцентировали внимание на иррациональных, первоначально инстинктивных, свободных от социальных детерминант, пассионарных проявлениях этого феномена [Adorno 2001; Marcuse 2008; Гумилёв 1979]; социологи и историки устанавливали характеристики харизмы политического лидера [Weber 2006; Блондель 1992; Кэ де Ври 2003; Зинев 2005], выделяли ее врожденный и приобретенный признаки [Häusermann 2001; Gries 2005]. В настоящее время антропологи связывают харизму с популярностью, шармом, привлекательностью, флюидностью личности [Koppetsch 2000; Lenze 2002], которые можно использовать в пиар-технологиях для создания харизматического имиджа публичной фигуры [Почепцов 2004; Bredemeier 2007, Enkelmann 2000], в частности лидера-женщины [Попов 1991; Поссе 2005].

Лингвистика исходит из того, что харизматический лидер как носитель языка обнаруживает себя и свою субъектность через общение – коммуникативно-общественную деятельность, которая невозможна без языка и речи. Речь человека довольно полно отражает его внутренний мир и, таким образом, становится источником знаний о его личности [Богин 1984; Караулов 1987; Шахнарович 1995]. Поэтому фокусирование лингвистических исследований на личности политика как *Homo loquens*, который достигает власти и удерживает ее разными, в том числе языковыми, средствами, – важный шаг на пути изучения речевой деятельности публичной личности, ее комплексного отображения в формате дискурс-портретов [Ухванова-Шмыгова 2002]. Включение паравербальных и экстралингвальных составляющих в круг лингвистических исследований дискурса политика как носителя языка расширяет понятие языковой личности и требует введения понятия *коммуникативной*, или *дискурсивной личности* [Карасик 2003], которая действует в континуальном дискурсивном пространстве и использует вместе с языковым кодом другие семиотические коды в зависимости от специфики общения. Имеющиеся исследования дискурсивных практик политических

лидеров, таких как Антонио Салазар, Бенито Муссолини, Франциско Франко [Danler 2007], Адольф Гитлер [Schnauber 1969; Kopperschmidt 2003; Laak 2004], Уго Чавес [Bolívar 2005], Герхард Шредер, Гельмут Коль [Юдина 2001], определенных в истории и социологии как харизматические, сегодня не дают ответа на вопрос о способах их речевого воздействия в контексте политической харизмы. Кроме того, указанные исследования не учитывали специфики устного модуса дискурса, который дает возможность наиболее полно раскрыть механизмы вербального и паравербального влияния политика как *Homo charismaticus* [Dorfler и др. 2007].

Политик осуществляет свое влияние посредством *апеллятивного дискурса*, основным функциональным содержанием которого является призывность, хортаторность (англ. *hortatory, hortatory speech* [Edelman 1990]). Это проявляется в регулировании поведения адресата через побуждение его к действиям или их запрету, к ответу или реагированию на вопрос или сообщению информации с целью корректировки деятельностных стратегий адресата. В рамках апеллятивного дискурса выделяют такие разновидности языковой призывности: активация (побуждение к действию, призыв, приказ, девиз), интердикция (запрет) и дестабилизация (несогласованность, нарушение деятельности), а также инспирация (воодушевление) и суггестивность (внушение), которые приобретают максимальную эффективность в сфере идеологического воздействия, направленного на агитацию и пропаганду [Шейгал 2004].

Общая антропоцентрическая направленность современных гуманитарных исследований на комплексное изучение личностных черт говорящего в плоскости дискурса определяет **актуальность** выбранной темы исследования. Фокусирование анализа на дискурсивных характеристиках политика, связанных с лексико-синтаксическими особенностями его/ее речевых реализаций, лингвокогнитивными механизмами восприятия и интерпретации действительности и мотивационными установками, определяет интегративный характер работы, которая основывается на достижениях дискурсологии (дискурсивная личность политического лидера), социологии и социолингвистики (феномен политической харизмы) и контрастивно-лингвистических исследований (сопоставление апеллятивных дискурсов неблизкородственных языков). **Объектом** исследования в данной статье является харизматический лидер – *Homo charismaticus* в немецком и украинском политическом дискурсах. **Предметом** анализа выступают вербальные и паравербальные средства харизматической апеллятивности в двух лингвокультурах. **Цель** исследования состоит в определении контрастов вербальной и паравербальной организации апеллятивных дискурсов современных харизматических политических лидеров Германии и Украины. Поставленная цель определяет решение следующих **задач**: (1) определить научный статус феномена харизмы в гуманитарных исследованиях в религиозно-философском, социально-политическом, психологическом,

гендерном и культурологическом аспектах, (2) выделить апеллятивную доминанту в дискурсе политического лидера как *Homo charismaticus*, (3) классифицировать вербальные и паравербальные средства харизматической апеллятивности политических лидеров в немецкоязычной и украиноязычной лингвокультурах; (4) описать вербальные, просодические и кинетические контрасты харизматических дискурсов немецких и украинских политических лидеров на фоне общего признака – апеллятивности. Корпус **материала исследования** сформирован из 300 выступлений трех немецких политиков – Йошки Фишера, Герхарда Шредера, Ангелы Меркель (1998–2008 г.г.) и 210 выступлений трех украинских политиков – Виктора Ющенко, Виктора Януковича, Юлии Тимошенко (2004–2007 г.г.) общим объемом звучания 25 часов.

1. Научный статус феномена харизмы в гуманитарных исследованиях. Анализ религиозно-философского, социально-политического, психологического, гендерного и культурологического аспектов исследования харизмы позволил сделать общий вывод об отсутствии единого подхода, который мог бы дать категориальное определение этому феномену. В целом, выделяют две основных разновидности харизмы: социально детерминированная *политическая* харизма, которая основана на исключительных лидерских свойствах политика на переломных этапах развития общества, а также *личностная* харизма, которая связана с привлекательностью человека и присуща почти с рождения (нем. *Ursprungscharisma*) как публично известным фигурам (кинозвездам, футбольным кумирам и др.), так и человеку вообще. Из указанных разновидностей харизмы для исследования была выбрана именно *политическая харизма* как идеально-типичное понятие (нем. *Idealtyp*), основанное на теориях иррационального (харизматического) лидерства Макса Вебера, кризисного лидерства Жана Блонделя, а также теории резонансного (эмоционального) лидерства Даниеля Гоулмана и используемое преимущественно в социологии и истории для классификации разных типов господства.

Для понимания процесса харизматизации политического лидера нами была разработана **модель харизматической коммуникации**, основу которой, по Максиму Веберу, представляет приписывание (нем. *Zuschreibung*) лидеру народом харизматических признаков. Основными этапами преобразования политического лидера на харизматизированного являются: (1) отправление нехаризматизированным лидером послания народу, (2) воздействие послания через аргументы и призывы, (3) овладение народом аргументами и призывами послания, (4) совпадение отправленного содержания с ожидаемым, (5) воодушевление народа, (6) осуществление совместных действий на высоком эмоциональном единении (харизматический экстаз), (7) приписывание лидеру харизматических качеств (см. рис. 1).

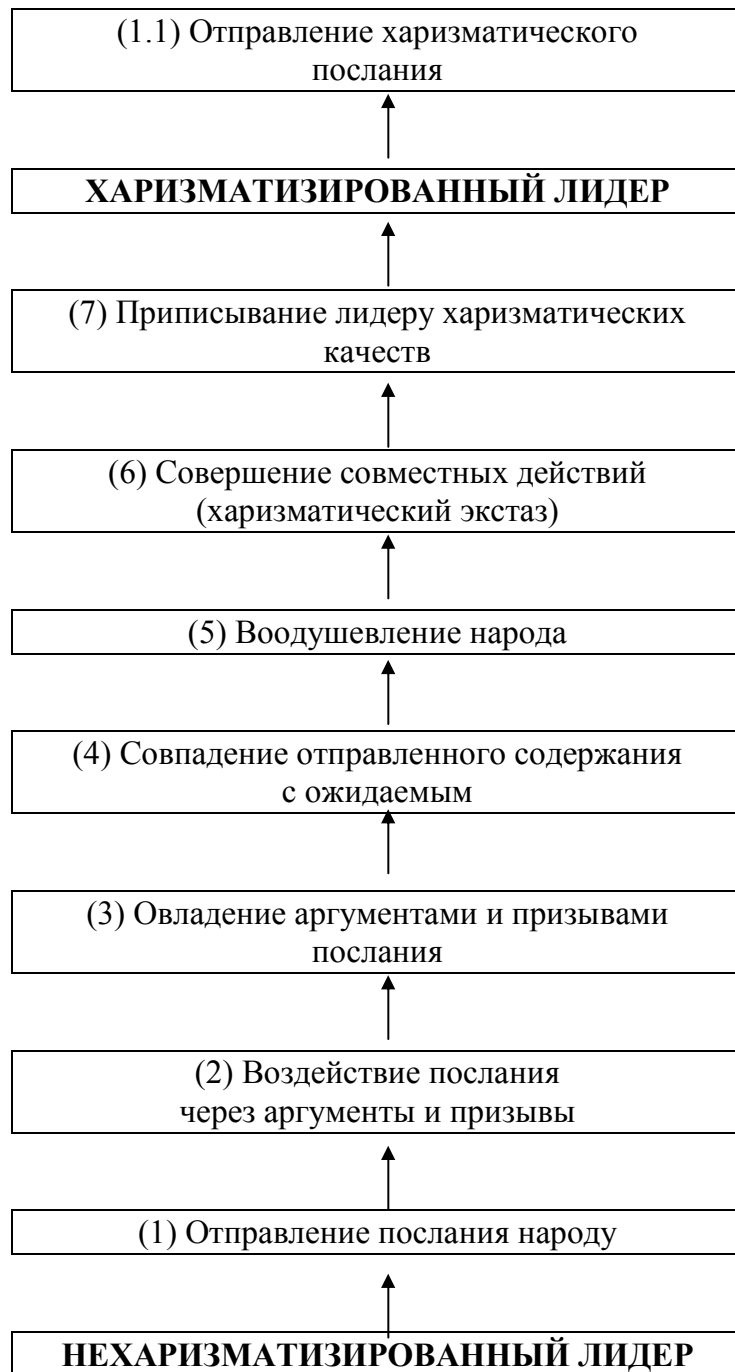

Рис 1. Модель харизматической коммуникации

Условием успешного процесса харизматической коммуникации является *воодушевленное состояние* политического лидера, источниками чего служат его/ее страстная убежденность в правильности содеянных действий, вера в высокие идеи, осознание себя способным на осуществление изменений в

масштабах страны или мира, а также историчность, эпохальность политической ситуации. Указанный мотивационный блок настраивает лидера и аудиторию на общую эмоциональную волну, вследствие чего возникает резкий всплеск эмоций у всех участников коммуникации, т.е. *харизматический экстаз*, своеобразный *unio mystica* (мистическое единение с Богом). В этот момент между лидером и народом исчезают субъектно-объектные отношения, лидер не отделяет себя от народа, а народ ассоциирует себя с образом лидера и приписывает ему все свойства, которыми тот, по мнению аудитории, наделен или которые у него/у неё должны быть. В дальнейшем политический лидер воспринимается как харизматический, и все его/ее следующие послания (обращения) к народу будут восприниматься как харизматические (см. на рис. 1 блок 1.1.).

2. Апеллятивная доминанта в дискурсе харизматического политического лидера. Гипотеза проведенного исследования основывается на выделении *апеллятивной доминанты в дискурсе харизматического политического лидера* (далее – ХПЛ). Согласно учению Макса Вебера о разных типах господства, харизматический политический лидер в период кризисной или революционной ситуации отказывается от рациональных установок и осуществляет эмоциональное речевое воздействие, основой которого является состояние максимального воодушевления, подъема, запала. В таком состоянии харизматический лидер способен сам вдохновляться великими идеями и вдохновлять ими других. Кризисность политической ситуации порождает повышенную апеллятивность, воодушевленную окрашенность обращений говорящего лидера к народу.

Именно в "кризисных" выступлениях политиков ведущим становится макропрагматический коммуникативный акт *призыв* (нем. *Appell, Aufruf*), а их речь приобретает ярко выраженный апеллятивный характер. Семантика призыва основана на одноранговых взаимоотношениях адресанта (*X*) и адресата (*Y*). Условия выполнения призыва являются свободными, открытыми, не требуют моментального осуществления; мотивом апеллирования выступают этические и социальные ценности высшего порядка. Семантические условия призыва выражены парфразой: *X призывает <апеллирует (к), взывает (к)> Y* выполнить действие *P*, считая, что *Y* может выполнить действие *P*, и не считая, что *Y* должен (может) выполнять действие *P*; *X* говорит *Y*-у, что он хочет, чтобы *Y* выполнил действие *P*. *X* говорит это таким образом, чтобы *Y* понял, что *X* апеллирует к этическим или другим социальным ценностям как стимулу к действию *P* и (не) считает, что *Y* должен выполнить действие *P* непосредственно. В приведенных семантических условиях отражается глубинная структура призыва, основу которой представляет грамматическая категория повелительного наклонения, общая для всех видов апеллятивов в немецком и украинском языках. Специфика семантических условий апеллятивов отражается в вербальных средствах апеллятивности, которые

сопоставляются с целью получения дискурсивных контрастов и манифестируют общую и харизматическую апеллятивность.

В исследовании введено терминопонятие *малой апеллятивной волны* для обозначения роста амплитуды темпоральных, тональных и динамических показателей призывов в пределах *отдельных сегментов* – синтагм, сверхфразовых единств. Понятие *большой апеллятивной волны* ассоциируется с ростом амплитуды темпоральных, тональных и динамических показателей призывов в пределах *целого выступления* с учетом амплитуды волн с начала выступления до его финала [Петлюченко 2009: 179].

Просодию, которая имеет значительный размах амплитуды всех акустических показателей призывов от начала волны до ее завершения, определяем как *рапсодическую*. Термин "*рапсодический*" (англ. *rhapsodical* – восторженный, высокопарный, экстатический) обозначает преувеличенный энтузиазм, восторг, спесивость (напыщенность) в языке или поведении человека. Так характеризуется, например, чрезмерно торжественная проповедь (*rhapsodical sermon*), восторженное выступление (*rhapsodical speech*) [Oxford English Dictionary 1971: 2534]. Рапсодическая просодия выступлений присуща значительному количеству харизматических лидеров XX столетия (Л. Троцкий, А. Гитлер, Б. Муссолини, Ф. Франко и др.) и отличается следующей структурой: медленное вступление, в котором представлено краткое содержание речи, затем за счет роста эмоционального напряжения резкое изменение темпа и звучности, экспрессивность которых на кульминационной фазе речи достигает значительной силы и формирует у публики эффект своеобразного "взрыва" [Laak 2004: 150]. Отсутствие диапазона амплитудного колебания акустических показателей призывов на протяжении всего выступления характеризуем как монотонную просодию [Цеплитис 1974].

Кинетическая специфика апеллятивности ХПЛ связана с движениями правой руки, сопровождающими призыв и выполняющими функцию "жестового удара" [Крейдлин 2005], синхронизируясь с главноударным слогом в синтагме или фразе [Kendon 2004]. Такие движения называем, вслед за К. Мюллер [Müller 1998], *речесопровождающими* жестами. Особое значение имеет именно *взмах правой руки, выброс правой руки вперед*. У древних римлян это был жест приветствия (*saluto romano*), характерный для многих харизматических лидеров.

3. Вербальные и паравербальные (просодические и кинетические) средства харизматической апеллятивности политических лидеров в немецкоязычной и украиноязычной лингвокультурах.

При контрастивном исследовании апеллятивных дискурсов ХПЛ Германии и Украины мы исходим из специфики западных индивидуалистских и славянского общинного типов мышления, опираясь на процедуру идентификации личностей в каждой из лингвокультур. Учитывается то, что в идеализированном образе ХПЛ отражается, прежде всего, коллективное сознание общества, каждая конкретная политическая ситуация заставляет народ

искать своего политического идола. Так, для немецкого менталитета характерным является восприятие выдающихся лидеров своей страны, прежде всего, в контексте конкретной исторической ситуации и той роли, которую они в ней сыграли. Этим определяются такие мифологемы немецких политических харизматов, как "воплощение нации", "равный Германии" – Г. Гагерн, "железный Канцлер", "строитель рейха" – О. фон Бисмарк, "успокоительный фактор для Германии в послевоенные годы", "памятник своего времени" – К. Аденауэр, "канцлер-объединитель" – Г. Коль. Для украинского менталитета, в свою очередь, характерна склонность к превращению человека в легендарную личность, национального героя, символ национальной украинской идеи. Это в определенной мере отражают такие мифологемы, как "выдающийся сын", "большой ученый", "патриот" – в отношении М. Грушевского, "легендарная личность", "революционер-бунтарь" – о Н. Махно, "отважный борец за независимую республику" – о С. Петлюре, "прирожденный вождь", "символ украинской национальной идеи" – в отношении В. Черновола.

Вербальные средства *общей апеллятивности* определяются мотивационно-прагматическим уровнем дискурсивной личности политического лидера. К ним относим *эксплицитные* средства: (1) перформативы, (2) императивы, императивные конструкции, (3) конструкции с модальными глаголами, (4) инфинитивы, короткие предложения, слоганы. К средствам *имплицитного* апеллирования принадлежат (5) вопросительные предложения, (6) утвердительные предложения, (7) формы будущего времени, (8) цитация или квазичитация, (9) мелиоративно окрашенные слова с ценностной семантикой. Указанные средства связаны, прежде всего, с синтаксической структурой призыва (за исключением цитаций и слов с ценностной семантикой) и являются универсальными персуазивными средствами формирования политического дискурса [Петлюченко 2009: 210].

Собственное *харизматическая апеллятивность* транслируется слушателю/зрителю в виде косвенных имплицитных смыслов, которые эксплицируются в речи соответствующими лексическими маркерами и группируются по определенной тематике. Такие смыслы определяются далее как *апеллятивные харизматические смыслы*, имеющие выразительный индивидуальный характер и определяющиеся прежде всего спецификой национально-культурного кода языковой личности харизматического лидера, в нашем исследовании как представителя Германии или Украины. К *апеллятивным харизматическим смыслам* принадлежат косвенные обращения к (1) Богу, (2) народу, нации, (3) историческим авторитетам, (4) вере-убеждению, (5) единству, (6) решению актуальных вопросов времени, а также таким темам, как (7) пророчество, предсказание будущего развития страны, (8) требование самопожертвования и самоотречения со стороны приверженцев, (9) создание ауры сопротивления, злости, гнева и презрения к миру врагов, (10) выбор в качестве цели действия объединяющего, а не разъединяющего начала, (11) непоколебимое убеждение в том, что оратор (лидер) – единственно верная

фигура в нужном месте и в нужное время [Петлюченко 2009: 222]. Вербальные средства общей апеллятивности как носители харизматических апеллятивных смыслов используются политическим лидером для реализации его/ее *харизматических апеллятивных тактик* и представляют основу формирования дискурс-портретов современных ХПЛ Германии и Украины с учётом исторических, социальных и индивидуальных традиций каждой лингвокультуры.

Паравербальная специфика апеллятивного дискурса ХПЛ связана с состоянием харизматического воодушевления, которое проявляется в повышенной физической активности, улыбчивости, увлеченности, радостном настроении, а также определяется склонностью политика к театральности. Признаки харизматического воодушевления в *речи* политического лидера проявляются в возбуждении, выраженном преимущественно усилением речевой активности, заключающейся в ускорении или удлинении периодов звучания речи и сопровождающейся грамматической бессвязностью. *Голосовыми* маркерами воодушевления являются звонкость, звучность, модулирование, возможный переход на фальцет и вопль, реже приглушенность. Харизматическое воодушевление в *жестике* обнаруживает себя проявлениями двигательного экзатического возбуждения, неестественными, чрезмерными движениями, жестами, мимикой, позами, выражающими состояние экстаза, восторга.

Для сопоставления паравербальных признаков харизматического воодушевления в апеллятивных дискурсах немецких и украинских политиков введены понятия просодической и кинетической интенсивности. **Просодическая интенсивность** связана с *резким изменением* (ростом или падением) акустических параметров (продолжительность, ЧОТ, интенсивность) речевого сигнала в восторженном призыве по сравнению с нейтральной интенсивностью. Просодическая интенсивность воодушевленной харизматической апеллятивности сопоставляется по следующим признакам: 1) ускорение темпа речи (эффект "темпорального сжатия") на пиковых участках апеллятивной волны; 2) увеличение частотного диапазона (эффект "тонального скачка") с начала выступления до его завершения; 3) увеличение показателей динамического диапазона (амплитуды) с начала выступления до его завершения. Одновременное увеличение показателей частотного и динамического диапазонов высказывания воспринимается слушателем как энергетический "выплеск" харизмы. **Кинетическая интенсивность** определяется *усиленным участием* движения правой руки при паравербальном оформлении призыва и сопоставляется по таким признакам: 1) импульсивный характер движения руки; 2) направление движения руки к публике и вверх; 3) положение руки выше линии плеча и 4) конфигурация кисти руки в виде кулака или сжатой ладони с выпрямленным указательным пальцем.

4. Вербальные контрасты харизматической апеллятивности дискурсов немецких и украинских политических лидеров. Исследуя

контрастивную специфику харизматических апеллятивных тактик политического лидера в двух лингвокультурах, в историческом аспекте сделан акцент на тех чертах языковых личностей политиков, которые связаны с исходным трактованием харизмы как религиозного феномена. Религиозность харизматического лидера, взаимосвязь всех его поступков и помыслов с волей Божьей, согласно концепциям Р. Генона, А. Шопенгауера, Ф. Ницше, определяется ролью харизматического вождя как посредника между реальным и высшим мирами, эвгемера, который наделяется божественными и/или идеализированными качествами.

Значительное количество апелляций к имени Господа находим в политических обращениях немецких исторических харизматических лидеров, таких как Вильгельм Второй, Пауль фон Гинденбург, Вилли Брандт, Гельмут Коль. В эпохальный момент падения Берлинской стены и объединения Германии Гельмут Коль и Вилли Брандт просят благословения Господа для своей единой немецкой родины, например: *Gott segne unser deutsches Vaterland!* и выражают Ему свою благодарность за возможность пережить этот исторический момент, например: *Jetzt erleben wir, und ich bin dem Herrgott dankbar dafür, daß ich dies miterleben darf, daß die Teile Europas zusammenwachsen!* Сегодня современные немецкие политические лидеры практически не используют в своих апеллятивных тактиках обращений к имени Господа Бога. В исследуемом материале был выявлен лишь косвенный призыв к Господу в таких языковых клише-вставках, как *weiß Gott* (Бог знает), *Gott sei Dank* (слава Богу), например, в дискурсе Й. Фишера.

Отличительной особенностью славянской харизматики, наоборот, является подчеркивание политическим лидером связи всех своих дел и помыслов с именем Господа, с Господом Богом. Свое обращение к Нему В. Ющенко часто эксплицирует в виде мольбы, молитвы, просьбы, например: *Як і ви, у ці дні я молю Бога за Україну. Я прошу Його послати нам усім мудрість і силу, щоб протистояти неправді, яку сіє між нас нинішня влада; Ви підкоряєтесь одній заповіді: боронь Боже, щоб ти з сусідами лаявся!* Ю. Тимошенко и В. Янукович в меньшей степени демонстрируют свою религиозность, чем В. Ющенко, однако призывы к Господу Богу также активно включены в их харизматические апеллятивные тактики.

Предполагается, что харизматический лидер, владея прямой связью с Богом, может прямо обращаться к Нему и получать от Него дары пророчества, предвидения. Именно пророчествами, предсказаниями будущего страны окрашена призывность харизматика. Пророчество, предсказания, которые по религиозным представлениям являются Божественным откровением, харизматический лидер адресует отдельным людям или группе людей – своим сторонникам, народу, нации, всему человечеству. В речи современных политических харизматических лидеров мы не находим таких эксплицированных перформативов, как *я пророкую, я завбачаю, я провіщаю, я бачу й оголошую наперед майбутнє* и др. Вместо этого политик в подобном

контексте чаще всего использует такие перформативы, как *ich weiss, ich glaube, ich verstehe, ich sehe, ich bin in der Lage* / я знаю, я вважаю, я розумію, я присягаю, я спроможний и прочие, а также придаёт проспективный характер своим аргументам и призывам.

Важным является то, что в апеллятивном дискурсе немецких ХПЛ отсутствует тональность пророчества, предсказания особого предназначения Германии, так называемого "немецкого пути", упоминание о котором, как известно, имеет отрицательные исторические ассоциации. Поэтому А. Меркель, Й. Фишер, Г. Шредер, безусловно, учитывают этот момент в своих апеллятивных тактиках. Темы будущего Германии, перспектив европейской интеграции в новых геополитических условиях находятся в сфере интересов Й.Фишера, однако свое проспективное видение он демонстрирует в форме прогноза, а не пророчества, например: *Bedenken Sie, dass die Entscheidung, ob diese Regierung das Vertrauen bekommt, eine Entscheidung über die Zukunft dieses Landes ist!* Последнее в большей степени присуще таким украинским политикам, как Ю. Тимошенко и В. Ющенко, например: *Знайте: наступного дня наша країна стане іншою. Ваша воля відкрис перед кожним із нас нові шляхи, а перед Україною нове і, я переконаний, велике майбутнє! На іншій дорозі – свобода, повага до людської гідності, повага до влади. Бо ту владу вже ніхто не буде боятися – її будуть поважати. Достаток і справедливість у кожному домі. Це – наше майбутнє. Майбутнє моєї нації!*

В основе апеллятивных тактик харизматического политического лидера лежит его постоянная взаимосвязь со своим *народом*, со своей нацией. Харизматические лидеры обеих стран декларируют свою устремлённость к решению проблем единства народа, единства наций, как немецкой, так и украинской, поскольку решение такой проблемы для Германии и Украины было исторически обусловлено существованием в них двух и более политически самостоятельных частей. Экспликация этой разновидности харизматического призыва в немецком апеллятивном дискурсе реализуется через такие лексические маркеры (слова, словосочетание), как *Deutschland und das deutsche Volk* (Германия и немецкий народ), *ein einig Volk von Brüdern* (единый народ братьев), *das gesamte deutsche Volk* (весь немецкий народ), *vor dem Erwachen der Nation* (перед пробуждением наций), *die deutsche Nation* (немецкая нация), *nationale Interessen* (национальные интересы), в украинском – *єдиний народ, єдиний український народ, пуповина народу нашого, рахунок народу, душа нашого народу, унікальна нація, українська нація, мудра нація, наш народ і наша нація/моя нація, мій народ* и др.

В харизматических апеллятивных тактиках немецких и украинских политических лидеров главным является использование *фактора единства*. Как правило, речь идет о единстве в принятии решений, единстве внутринациональных и международных интересов, а также об общности целей, выборе объединяющего начала общих действий. Эксплицитными маркерами призыва в дискурсе немецких политиков в этом случае выступают лексические

маркеры *alle* (все), *einig* (единый), *Einheit*, *Einigkeit* (единство), *gemeinsam*, *zusammen* (вместе), *wir* (мы), *unser* (наш), в дискурсах украинских политиков – *єдність*, *єдиний*, *об'єднання*, *солідарність*, *разом*, *спільно*, *консолідація*, *ми*, *наша* и др.

Современные немецкие харизматические политические лидеры обращаются за поддержкой и апеллируют к таким *историческим авторитетам*, как Конрад Аденауэр, Вилли Брандт, Гельмут Коль и др., т.е. к политическим лидерам, к числу которых они сами принадлежат. Таким образом, подчеркивается единство, общность политических мотивов и целеустановок настоящей политической борьбы в Германии с традициями ведения политической борьбы в прошлом. Современные украинские харизматические политические лидеры, в свою очередь, также обращаются к украинским историческим политическим авторитетам, таким как Богдан Хмельницкий, Симон Петлюра, Михаил Грушевский, однако для современных украинских ХПЛ более важным является обращение к наследию великих духовных лидеров Украины, писателей, культурных деятелей, таких как Тарас Шевченко, Леся Украинка, Григорий Сковорода, Владимир Винниченко и др.

В дискурсе харизматических политических лидеров довольно активно используются призывы к решению *вопросов времени* (*Fragen der Zeit*). Насущность решения этих вопросов немецкий харизматик обыгрывает в терминах необходимости, которая маркируется в его/ее апеллятивных тактиках такими фразовыми клише, как *die Zeit ist gekommen* (пришло время), *der Zeitpunkt (der Moment) ist gekommen* (пришел момент), *es ist Zeit*, *die Zeit ist reif*, *es ist an der Zeit* (пора, пришло время), *es wird/wurde höchste Zeit* (уже давно пора). Например, у Й. Фишера: *Es ist Zeit, eine erste Bilanz zu ziehen!* Украинский харизматик оперирует такими клише, как *прийшов час*, *приходить колись період часу*, *найближчим часом*, *прийде час*, *час (працювати, захищати Україну)*, *це той час*, *коли*. Например, у В. Януковича: *Ми зробимо все, щоб найближчим часом ми знайшли знову ж таки порозуміння і об'єднались заради вирішення багатьох проблемних питань!*

В своём призыве к решению срочных задач времени харизматический лидер активно обыгрывает также ситуацию *последнего шанса*: он, харизматический лидер, никогда не потеряет его и всегда использует для достижения поставленной цели. Лексема *Chance/шанс* используется немецкими харизматическими лидерами в таких словосочетаниях, как *eine einmalige Chance* (один шанс), *die große Chance* (большой шанс), *eine historische Chance* (исторический шанс), *wieder die Chance haben* (снова иметь шанс), *eine neue Chance bekommen* (получить новый шанс), *eine Chance ergreifen* (воспользоваться шансом), например, Г. Шредер: *Wir alle wären nicht gut beraten, wenn wir diese Chance nicht ergreifen würden!* Для украинских политиков "шанс" окрашен эсхатологическими тонами: *останній шанс*, *свій історичний шанс*, *вибороти останній шанс*, *це єдиний шанс*. Например,

В. Ющенко: *Я використав свій історичний шанс. У нашій спільній перемозі є і моя особиста заслуга як виборця, як громадянина України!*

Требование самоотречения себя и своих сторонников и самопожертвования в апеллятивном дискурсе политического лидера связано с тем, что харизма проявляется, прежде всего, в аскезе, в готовности к самопожертвованию ради достижения великой цели. В этом усматриваются телеологические установки лидера, который признает за всем сущим логическую целесообразность, приписывает естественному окружению цель, переносит на нее способность к целеполаганию, что присуще лишь человеческой деятельности. Призывы к самопожертвованию в дискурсе немецких политиков идентифицируются через лексические маркеры *Opfer* (жертва), *enorme Opfer* (большие жертвы), *Opfer an Gut und Blut* (человеческие жертвы), *Opfer bringen* (приносить в жертву), *zum Opfer fallen* (пасть жертвой), *Opfer auffordern* (вызвать жертву), *opfern, sich aufopfern* (отдавать себя в жертву). Например, у Г. Шредера: *Entscheidende Maßnahmen hat die Bundesregierung bereits ergriffen – auch wenn alle dabei Opfer bringen mussten!* В дискурсах украинских политиков – *віддавати себе в жертву, жертвувати собою, вимагати жертв, принести в жертву, упасти жертвою, великі жертви* и др.

Харизматический лидер четко определяет круг своих сторонников и неприятелей, идеологических врагов. Для харизматика не существует средних, промежуточных отношений, когда он создает имплицитную ауру сопротивления, злобы, гнева против "мира врагов". Как правило, такая разновидность харизматических смыслов эксплицируется в дискурсах немецких и украинских лидеров через лексические маркеры *Feind* (враг), *Gegner* (неприятель), *Opposition* (оппозиция), *dem Feind Widerstand leisten, widerstehen* (противостоять врагу), *gegen Feinde kämpfen* (бороться против врагов), *Bedrohung* (угроза), *in der Opposition sein* (быть в оппозиции). Например, у Ю. Тимошенко: *Ми з вами маємо одну місію, наше з вами покоління, – це не дати пройти ворогу України!*

Определение общих и контрастных средств апеллятивности в дискурсах ХПЛ Германии и Украины осуществляется по показателю разницы между средними двух выборок к их общему среднему (далее – ПР). Если ПР меньше или равен 20 % от общего среднего значения двух сравниваемых выборок, то в этом случае делается вывод об интегральном характере использования соответствующего типа призыва в апеллятивных дискурсах. Превышение разницы между средними двух выборок более чем на 20 % свидетельствует, наоборот, о дифференцированном характере его использования. Для сопоставления полученных в каждой из выборок процентных показателей вербальных средств общей и харизматической апеллятивности введен *весовой коэффициент* (далее – ВК), который градуируется в диапазоне от 1 до 5 с шагом в 0,5 и отражает частотность использования той или иной вербальной разновидности призыва каждым отдельным политическим лидером.

Таким образом, общей для апеллятивных дискурсов ХПЛ Германии и Украины является эксплицированная форма призыва, выраженная с помощью *инфинитивных конструкций, коротких предложений, слоганов* (ПР = 8,2 %). Различия прослеживаются, прежде всего, в харизматических апеллятивных тактиках политических лидеров. Так, контрастивными признаками немецкого харизматического дискурса, по данным средних показателей, являются такие имплицитные харизматические смыслы, как выбор общей цели, которая объединяет лидера со своими подчиненными (40,4 %, ВК = 5), утверждение о необходимости срочного решения вопросов времени (11,6 %, ВК = 4), предсказание будущего (9 %, ВК = 3), а также обращение к историческому авторитету (7,9 %, ВК = 2,5). Контрастивными признаками украинского харизматического дискурса, в свою очередь, выступают такие апеллятивные тактики ХПЛ, как обращение к особой миссии украинской нации (37,6 %, ВК = 5), православной вере украинцев (19 %, ВК = 4,5) и Господу Богу (4,3 %, ВК = 3).

5. Паравербальные контрасты харизматической апеллятивности дискурсов немецких и украинских политических лидеров.

Инструментальный анализ (PRAAT 5.0.43, Sound Forge 9.0, VirtualDub 1.6.15) *просодических средств* апеллятивности дискурсов немецких и украинских политических лидеров дали возможность установить совпадения и расхождения как в отдельных сегментах выступления (в малых апеллятивных волнах), так и в пределах целого выступления (в больших апеллятивных волнах) и определить признаки раскодичности и монотонности в просодическом оформлении двух видов волн.

Основными просодическими маркерами высокого воодушевления у *Й. Фишера* являются специфический характер паузального членения малой апеллятивной волны (приемы медленного старта и "темпорального сжатия" в финале), ускорение темпа произнесения на кульминационных апеллятивных участках речи, а также широкий диапазон тональных и динамических характеристик апеллятивов в начальной и финальной частях малых апеллятивных волн. Просодическими коррелятами состояния воодушевления у *Г. Шредера* на пиках его призывов являются увеличение скорости произнесения, что создает эффект темпорального сжатия, а также широкое диапазонное варьирование на уровне тональных и динамических параметров речи. Использование коротких форм призывов на пиках воодушевления придает апеллятивной просодии *Г. Шредера* особую ритмичность. Харизматическое воодушевление *А. Меркель* проявляется в быстром темпе речи в начале выступления, отсутствии акцентированных участков речи, а также равномерного паузального членения. При переходе от вступления к основной части выступления появляются акцентированные участки призыва, возрастает количество пауз, создается эффект так называемой "дробности" речи, что в целом отражает состояние нарастающего воодушевления. В завершающей части, которая, как правило, у *А. Меркель* насыщена эксплицированными прямыми призывами, усиливается

динамика тонального и динамического выделения участков призыва; при этом темп речи значительно замедляется.

В свою очередь, просодия воодушевлённой речи *В. Ющенко* на пиках его призывов характеризуется отсутствием рапсодических изменений тональных и динамических параметров речи в структурных частях выступления (начало, основная часть и заключение). В заключительной части выступления *В. Ющенко*, как и *А. Меркель*, замедляет общий темп речи, выделяя, таким образом, важнейшие места в своем апеллировании к аудитории. Эффекты темпорального сжатия и тонального скачка, характерные для рапсодического построения выступлений немецких харизматических лидеров, в воодушевлённой просодии *В. Ющенко* являются слабыми и не выступают ее дифференциальными признаками. Тональные и динамические показатели призывов в выступлениях *В. Януковича* характеризуются увеличением показателей ЧОТ и амплитуды в начальной части выступления. Эффект темпорального сжатия, типичный для рапсодической просодии немецких харизматических лидеров, в формировании большой аппелятивной волны в выступлениях *В. Януковича* проявляется довольно слабо, при этом в значительной мере *В. Янукович* использует тональную модуляцию, например, в финале своих выступлений, а также сохраняет на протяжении всего выступления высокий уровень интенсивности произнесения призывов. Интенсивность апеллирования *Ю. Тимошенко* можно сравнить с высокими тональными и динамическими характеристиками призывности *Й. Фишера* и *Г. Шредера*. При этом рапсодическое нарастание тональной и динамической интенсивности с начала выступления до его завершения, которое является определяющим в речи немецких политических лидеров, отсутствует в воодушевлённой речи *Ю. Тимошенко*. Интенсивность апеллирования *Юлии Тимошенко* можно сравнить с динамическими показателями призывов *Йошки Фишера*, что выражается в их общих показателях, варьирующих в диапазоне от 80 до 90 дБ. Воодушевленная речь *Ю. Тимошенко* характеризуется определенной монотонностью, связанной с отсутствием динамического диапазона на высоком уровне интенсивности, что свидетельствует об эмоциональной напряженности ее выступлений.

Коэффициент звукового убывания (K_i), который обозначает отклонение воодушевлённого типа речи от нейтрального, выступает *темпоральным дифферензором* [Златоустова, Потапова и др. 1997 : 85] аппелятивной просодии харизматических политических лидеров Германии и Украины, и при увеличении темпа произнесения аппелятивов значение K_i возрастает. Так, медленный темп начала речи, значительное ускорение в основной части со следующим замедлением в финале выступления характерны для проявления призывности в выступлениях *Й. Фишера* и *Г. Шредера*, а также *В. Ющенко* и *Ю. Тимошенко*. Наибольший коэффициент звукового убывания в основной части выступления отмечается в воодушевлённой аппеляции выступлений *Й. Фишера* ($K_i = 5,13$) и *В. Ющенко* ($K_i = 4,5$). Воодушевленная речь *Г. Шредера* характеризуется довольно спокойным темпом говорения во всех

частях выступления. Незначительное ускорение отмечается лишь в основной части выступления ($K_i = 3,62$), где воодушевление является максимальным.

Коэффициент звукового убывания воодушевлённой призывности Ю. Тимошенко $K_i = 2,9$, что также свидетельствует об отражении эффекта темпорального сжатия в основной части. При этом показатель темпорального сжатия находится в одном ряду с K_i начала и финала выступления (2,0 и 2,4, соответственно), что свидетельствует об отсутствии, как и у Г. Шредера, резких перепадов в темповом оформлении апеллятивов во всех структурных элементах выступления. Ускорение темпа речи в начале выступления с последующим замедлением в основной и заключительной частях свойственно А. Меркель и В. Януковичу. О высоком уровне темпорального сжатия в начале выступлений свидетельствуют коэффициенты звукового убывания в воодушевлённой речи А. Меркель ($K_i = 4,25$) и В. Януковича ($K_i = 3,6$). Дальнейшее замедление темпа речи в основной части и в финале выступления (K_i составляет 3,17 и 2,53 для А. Меркель, 3,1 и 2,6 для В. Януковича), с одной стороны, может быть интерпретировано как ослабление состояния харизматического воодушевления, а с другой – как индивидуальная особенность интонационной выразительности речи указанных политиков.

Визуальный анализ и сопоставление кинетического компонента апеллятивных высказываний харизматических политических лидеров позволили выделить следующие кинетические доминанты в каждой подгруппе политиков и определить общие и отличительные особенности **кинетического оформления** апеллятивов. Так, кивание головой наиболее активно используют Г. Шредер (25,3 %) и А. Меркель (22,9 %), две руки предпочитает использовать Й. Фишер (24,9 %), активная правая рука с разной конфигурацией кисти характерна для жестикуляции В. Ющенко (76 %), Ю. Тимошенко (50,7 %) и В. Януковича (34 %).

Кульминационные апеллятивные участки в выступлениях харизматических политических лидеров усиливаются речесопровождающим жестом правой руки в том случае, если ее движение направлено *в сторону публики*, а также если рука на пиках призыва находится *наравне с линией плеча* либо *выше линии плеча*. Направление жеста правой руки к публике с одинаковой частотностью используют Й. Фишер (82,6 %) и Ю. Тимошенко (81,6 %). В. Янукович, наоборот, в момент усиления своих призывов чаще направляет правую руку к себе (40 %), что является дифференцирующим признаком его речесопровождающей кинетики. В свою очередь, Г. Шредер на пиках призыва довольно резко меняет амплитуду размаха правой руки и направляет ее то вверх (19,7 %), то вниз (24,6 %). Призывность политического лидера считается более яркой и активной, если сопровождающая призыв правая рука на пиковых участках призыва находится выше линии плеча. Преобладающее положение правой руки на пиках призыва выше линии плеча – общая черта для Ю. Тимошенко (62,9 %) и В. Януковича (60 %), а также Й. Фишера (58,3 %) и Г. Шредера (57,7 %). У таких политиков, как В. Ющенко

и А. Меркель, на пиках призыва рука находится обычно ниже линии плеча (64,9% и 78,3 %, соответственно).

6. Выводы и перспективы исследований *Homo charismaticus* в других дискурсах (религиозном, академическом, актерском и др.). Сопоставление вербальных средств апеллятивности позволило определить контрастивные черты лингвальной организации апеллятивного дискурса немецких и украинских харизматических политических лидеров. Апеллятивной дискурсивной универсалией харизматического политического лидера в обеих лингвокультурах выступают вербальные средства общей апеллятивности. Отношения контраста обнаруживаются в харизматических апеллятивных тактиках, отражающих историческую, социальную, национально-культурную и индивидуальную специфику ХПЛ в каждой лингвокультуре. Проведенный контрастивный анализ харизматических апеллятивных тактик свидетельствует об относительном доминировании рациональных установок в дискурсе немецких ХПЛ, за исключением небольшого уклона к пророческим элементам. В апеллятивном дискурсе украинских харизматических политических лидеров, наоборот, доминируют духовные установки, которые определяются связью лидера с Богом, верой и являются ключевыми в украинской культурной среде.

Сопоставление паравербальных средств апеллятивности дало возможность охарактеризовать черты сходства и отличия в просодическом и жестовом компонентах апеллятивности дискурсов немецких и украинских политических харизматических лидеров. Так, в паравербальной структуре апеллятивов немецких и украинских политических лидеров наблюдаются совпадения в тональном модулировании, увеличении интенсивности проговаривания акцентированных мест призывности, усиленной жестикуляции правой рукой с конфигурацией кисти в виде ладони или кулака. Расхождения касаются, прежде всего, темпоральной организации апеллятивных волн, темпа речи на кульминационных участках призыва. В выступлениях немецких лидеров на пиках апеллирования происходит ускорение речи, в выступлениях украинских лидеров, наоборот, темп речи замедляется. Контрастивным признаком апеллятивной просодии немецких харизматических политических лидеров является ее рапсодичность, тогда как дифференциальным признаком апеллятивной просодии украинских харизматических лидеров является ее монотонность.

Выполненное исследование позволяет сделать вывод о том, что за почти столетний период с момента разработки теории харизматического лидерства немецким социологом Максом Вебером в начале XX века состоялась значительная трансформация в оценке этого "внеоценочного" феномена в ментально-культурном коде немцев, а также его укоренение в славянском культурном поле, что стало возможным в 90-е годы XX века вследствие революционных изменений на всем постсоветском пространстве. Трансформационный эффект состоит в отказе немецкого общества от толкования феномена харизмы как положительной компоненты в имидже

политического лидера. Вместе с тем харизматичность в имидже славянского лидера остается положительным признаком для его/ее аудитории, что, безусловно, используют украинские имиджмейкеры, коучеры и СМИ, вводя этот феномен в мелиоративный инвентарь украинского политика.

Результаты проведенного исследования дают возможность обозначить **перспективы** дальнейшего контрастивного изучения апеллятивной доминанты харизмы в разных лингвокультурах и разных типах дискурса (религиозном, академическом, актерском и т.п.). Изучение харизмы сквозь призму дискурсивных характеристик *Homo charismaticus* будет оказывать содействие интеграции результатов лингвистических исследований в другие гуманитарные (социологию, политологию, психологию личности) и прикладные науки (синтез и распознавание речи, экспертные системы для анализа харизмы публичных лиц, лингвистическое моделирование дискурсов и т.п.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / Т. Адорно. – М. : Серебряные нити, 2001. – 416 с.
2. Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу / Жан Блондель ; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1992. – 135 с.
3. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Г.И. Богин ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1984. – 45 с.
4. Бредемайер К. Искусство словесной атаки: Практическое руководство / Карстен Бредемайер. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. – 178 с.
5. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.-Л., 2–25 октября 1979. – Депонировано ВИНТИ. – N 3734 - 79 Деп. – Вып. 2: Пассионарность. – 10 авт. л.
6. Зинев С.Н. Харизматическая личность: идентификация и манифестация в трансформирующемся мире : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Сергей Николаевич Зинев ; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2005. – 29 с.
7. Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей / В.И. Карасик // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков. Человек и его дискурс : сб. науч. тр. / под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной ; Ин-т языкознания РАН. – М. : Азбуковник, 2003. – С. 24–45.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 264 с.
9. Катанский А. Учение о Благодати Божией в творениях древних св. отцов и учителей церкви до бл. Августина [Текст] : Историко-догматическое исследование / А.Л. Катанский. – Ксерокс: СПб.: типогр. А.П. Лопухина, 1902. – 330 с.
10. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации / Г.Е. Крейдлин. – М. : Языки славян. культуры, 2005. – 224 с.

11. Кэ де Ври М. Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта / Манфред Кэ де Ври ; пер. с англ. – М. : Альпина, 2003. – 311 с.
12. Общая и прикладная фонетика : учеб. пособие / Л.В. Златоустова, Р.К. Потапова, В.В. Потапов, В.Н. Трунин-Донской. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 416 с.
13. Петлюченко Н.В. Харизматика : мовна особистість і дискурс : монографія / Н.В. Петлюченко. – Одеса : Астропринт, 2009. – 464 с.
14. Попов В.И. Маргарет Тэтчер: человек и политик / В.И. Попов. – М. : Прогресс, 1991. – 428 с.
15. Поссе А. Страсти по Эвите / Абель Поссе; пер с исп. Н. Беленькая // Ин. лит. – 2005. – № 1. – С. 7–15.
16. Почепцов Г.Г. Имиджелогия / Г.Г. Почепцов. – М.-К. : Рефл-бук-Ваклер, 2004. – 574 с.
17. Ухванова-Шмыгова И.Ф. Речевой портрет политического лидера : Новые подходы в рамках дискурс-исследований / И.Ф. Ухванова-Шмыгова // *Respectus philologicus*. – 2002. – № 1. – С. 24–40.
18. Цеплитис Л.К. Анализ речевой интонации / Л.К. Цеплитис. – Рига : Зинатне, 1974. – 270 с.
19. Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность / А.М. Шахнарович // *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность*. – М. : Изд-во РАН, 1995. – С. 260–276.
20. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
21. Энкельманн Н. Харизма. Личностные качества как средства достижения успеха в профессиональной и личной жизни : пер. с нем. / Энкельманн Н. – М. : АО «Интерэксперт», 2000. – 272 с.
22. Юдина Т.В. Теория общественно-политической речи / Т.В. Юдина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 160 с.
23. Andenna G. Charisma und religiöse Gemeinschaften im Mittelalter : Akten des 3. Internationalen Kongresses des "Italienisch–deutschen Zentrums für Vergleichende Ordensgeschichte" / Giancarlo Andenna. – Münster : Lit, 2005. – 495 S.
24. Biernath A. Missverständene Gleichheit: die Frau in der frühen Kirche zwischen Charisma und Amt / Andrea Biernath. – Stuttgart : Steiner, 2005. – 179 S.
25. Bolívar A. Dialogue and confrontation in Venezuelan political interaction / Adriana Bolívar // *Applied Linguistics in Latin America*. – 2005. – Vol. 18. – P. 3–17.
26. Danler P. Valenz und diskursive Strategien. Die politische Rede in der Romania zwischen 1938-1945: Franco – Mussolini – Pétain – Salazar / Paul Danler. – Tübingen: Günter Narr Verlag, 2007. – 352 S.
27. Daujat J. The theology of grace / Jean Daujat. – New York : Hawthorn Books, 1959. – 158 p.

28. Dorfler V., Baracskaï Z., Velencei J. Knowledge Visualization by Doctus Knowledge Galaxy – Mode of access [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.viktordorfler.com/webdav/papers/KnowledgeGalaxy.pdf>
29. Dorfler V., Baracskaï Z., Velencei J., Kulcsár L. Architecture of three-dimensional knowledges in the discipline of leadership. – Mode of access [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.viktordorfler.com/webdav/papers/3DKnowledges.pdf>
30. Edelman M. J. Politik als Ritual: die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns / Murray J. Edelman. – Frankfurt : Campus-Verlag, 1990. – 202 S.
31. Gries R. Kultur der Propaganda. "Herausforderungen. Historisch-politische Analysen" / Rainer Gries, Wolfgang Schmale (Hrsg.). – Bochum : Verlag Dr. Dieter Winkler, 2005. – Bd. 16. – 355 S.
32. Häusermann J. Inszeniertes Charisma: Medien und Persönlichkeit / Jürg Häusermann (Hg.) – Tübingen : Niemeyer, 2001. – 160 S.
33. Kendon A. Gesture: Visible Action as Utterance / Adam Kendon. – Cambridge : University Press, 2004. – 410 p.
34. Kopperschmidt J. Hitler der Redner / Josef Kopperschmidt . – München : Fink, 2003. – 502 S.
35. Koppetsch C. Körper und Status: zur Soziologie der Attraktivität / Cornelia Koppetsch. – Konstanz : UVK, Univ.-Verl. Konstanz, 2000. – 295 S.
36. Laak von Dirk, van. Adolf Hitler / Von Dirk van Laak // Charismatische Führer der deutschen Nation. – München : R. Oldenburg Verlag, 2004. – S. 149–171.
37. Lenze M. Postmodernes Charisma : Marken und Stars statt Religion und Vernunft / Malte Lenze. – 1. Aufl. – Wiesbaden : Dt. Univ.-Verl., 2002. – X, 217 S.
38. Marcuse H. Versuch über die Befreiung / Herbert Marcuse. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2008. – 133 S.
39. Müller C. Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich / Cornelia Müller. – Berlin : Berlin-Verlag, 1998. – 314 S.
40. Schnauber C. Ausdrucksphonetische Untersuchungen von Rhythmus und Melodik an Hitlers Rede zum Ermächtigungsgesetz / Cornelius Schnauber. – Hamburg : Lüdke bei der Uni, 1969. – 129 S.
41. Sohm R. Kirchengeschichte im Grundriss / Rudolph Sohm. – Leipzig : Ungleich, 1907. – 219 S.
42. The Compact Edition of the Oxford English Dictionary / Complete text reproduced micrographically. – Oxford : University Press, 1971. – Vol. 1 : A-O. – 2048 p.; Vol. 2 : P-Z. – 4116 p.
43. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie / Max Weber. – Paderborn : Voltmedia, 2006. – 1311 S.

Наталья Владимировна Петлюченко, канд. филол. наук, доцент кафедры немецкой филологии Одесского национального университета имени И.И. Мечникова; e-mail: npetljutschenko@ukr.net